

18+

КАК ПОСЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ

АЛЕКСАНДР
ЛОГВИНОВ

Александр Логвинов
Как послать человека
в правильном направлении

<https://litres.ru/74544714>

ISBN 9785007138123

Аннотация

Павел Ветлугин случайно отправил заместителя мэра в женский туалет. По указателю. Карьера пошла следом. Теперь он помогает людям отказывать начальникам, выдерживать родственников и возвращать чужие проблемы законным владельцам. Дела идут прекрасно — пока одна удачная шутка не обходится слишком дорого. Ироничный роман о любви, личных границах и людях, которые приходят «буквально на минутку», а уходят с лучшими годами вашей жизни.

Содержание

Иронический роман	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	72
Глава 14	77
Глава 15	82
Глава 16	88
Глава 17	92
Глава 18	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Как послать человека в правильном направлении

Александр Логвинов

© Александр Логвинов, 2026

ISBN 978-5-0071-3812-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Логвинов

Как послать человека

в правильном направлении

Иронический роман

Глава 1

Стрелка виновата

В тот понедельник Павел Ветлугин отправил заместителя мэра в женский туалет. Сделал он это письменно, в рамках должностных обязанностей и на основании согласованного макета.

Стрелка висела над головой заместителя. Под ней было написано «Будущее начинается здесь».

Заместитель посмотрел в указанную сторону, увидел женщину с ведром и спросил, готово ли всё к открытию. Женщина ответила, что один засор остался, но в остальном можно начинать. Эти слова попали в прямой эфир раньше, чем торжественная музыка.

Через сорок минут в переговорной фирмы «Компас Плюс» собрались люди, которые точно знали, кто виноват. Павел был последним, кому предстояло это узнать.

— Мы не ищем виноватых, — сказал Аркадий Романович Лавров и повернулся к нему. — Мы ищем решение.

Аркадий Романович руководил фирмой легко. Трудности начинались у остальных. Он умел так произнести «мы», что Павел оставался с ним один на один перед всеми чужими ошибками.

На экране застыл заместитель мэра, доверчиво приблизившийся к ведру.

— Навигационные тексты — ваше направление, Павел Ильич.

— Тексты — моё. Стрелку развернули при монтаже.

— Не будем уходить в технические детали.

— Без них она всё ещё ведёт в туалет.

Дизайнер Слава кашлянул в кулак. Бухгалтер перестала щёлкать ручкой. Павел пожалел о фразе: она получилась удачной, а удачные фразы на работе стоили ему дороже неудачных.

В пятницу он прислал схему с зелёными стрелками. В субботу заказчик захотел золотые. В воскресенье Лавров решил, что будущее должно начинаться не у лестницы, а сразу от гардероба. Для этого поменяли местами две панели, не меняя стрелок. Павел провёл выходные на даче у отца, где будущее начиналось с разборки старого насоса и не обещало никаких улучшений.

— Вы должны были проконтролировать, — мягко сказал директор.

— Я не знал, что схема изменилась.

— Для этого существует инициативность.

У Павла на языке стояло: «В таком случае предлагаю включить в штат пророка». Он не произнёс. Не потому, что испугался. Просто пророка действительно могли включить, а обязанности возложить на него.

— Давайте откроем переписку, — предложил он.

Лавров отодвинул ноутбук.

— Переписка не отражает полноту ситуации.

— Зато отражает дату, когда меня из неё исключили.

Павел сам услышал, как тихо это прозвучало. Директор тоже услышал. Слава перестал кашлять.

За двенадцать лет Павел написал тысячу четыреста семьдесят три варианта слова «вход». Были «Главный вход», «Вход для посетителей», «Добро пожаловать», «Вы уже почти у цели». Однажды в бизнес-центре его попросили заменить «Выход» на что-нибудь менее окончательное. Он предложил «До новых встреч», после чего пожарный инспектор вернул людям право просто выйти.

С собственными выходами у Павла не складывалось.

Каждый год он собирался попросить прибавку. Каждый год кто-нибудь заболел, срывались поставки или наступал не тот момент. Последний не тот момент длился двадцать семь месяцев.

— Сейчас требуется короткое объяснение для заказчика, — сказал Лавров. — Вы признаёте, что не обеспечили должный контроль. Мы, со своей стороны, не выносим это за пределы коллектива.

За пределами коллектива заместитель мэра уже собрал двести тысяч просмотров.

— Напишите сами, — сказал Павел.

Слова лежали на столе между стаканом и графином. Ни-

кто не спешил их брать.

— Простите?

— Вы приняли решение. Вы можете его объяснить. Я общу, какой макет передал и когда.

— Это неконструктивная позиция.

— Она просто не подходит для того, что вы хотите построить.

Павел смотрел на собственные руки. Ладони вспотели так, будто он держал не ручку, а чужую жизнь. На самом деле он держал только свою, и обращался с ней непривычно.

Лавров объявил перерыв. Остальные вышли с облегчением пассажиров, которых попросили освободить салон до взрыва. Слава задержался у двери, поднял большой палец на уровне колена и исчез. Поддержка была компактной, рассчитанной на личное пользование.

— Паша, — сказал директор, когда они остались вдвоём.
— Ты же умный человек.

Павел давно заметил: именно после этой фразы ему предлагали сделать что-нибудь неразумное.

— Нам обоим ни к чему конфликт.

— Тогда не оформляйте своё решение как мою ошибку.

— Ты сейчас рискуешь всем из-за формальности.

До этого момента Павел считал, что рискует месячной премией. Оказалось, у Лаврова хранилось всё. Видимо, в нижнем ящике стола, рядом с зарядками.

— Каким именно всем?

Директор вздохнул. Вздох был профессиональным: им можно было подписывать акты о неблагодарности.

— Мы столько лет вместе. Я рассчитывал на человеческое отношение.

Павел посмотрел в окно. На противоположной стороне улицы рабочий устанавливал знак объезда. Второй держал стойку. Третий показывал рукой, куда повернуть. У этих людей, по крайней мере, были разные обязанности.

Он положил ручку.

— Аркадий Романович, человеческое отношение не предполагает, что один человек всегда крайний.

— Ты хочешь уйти?

Ещё утром Павел хотел, чтобы в кофемашине было молоко. Теперь мир расширился.

— Да, — сказал он и испугался собственного облегчения.

Уход оказался не похож на кино. Он не хлопнул дверь, не бросил пропуск и не обнаружил за окном яркую новую жизнь. Пришлось писать заявление, обсуждать передачу проектов и выяснять, кому принадлежит настольная лампа. Лампа принадлежала фирме, хотя покупал её Павел. Двенадцать лет назад никто не сохранил чек на доказательство его здравого смысла.

Лавров предложил расстаться быстро. Павел согласился не сразу: сначала перечитал бумаги, позвонил кадровику и забрал копии. Защитить себя прозой оказалось полезнее, чем остроумно расставить акценты.

В коробку вошли кружка, зарядка, запасные очки и маленький кактус. Кактус прожил в компании четыре года без повышения и выглядел устойчивее хозяина.

Слава догнал его у лифта.

— Ты мощно. Прямо красиво.

— Мне бы ещё доходчиво для банка.

— Если что, я подтвердил бы насчёт схемы.

Павел подождал.

— Ну, если бы спросили, — добавил Слава.

— Тебя и спрашивали. Просто без вопросительного знака.

Лифт приехал раньше, чем Слава нашёл ответ. Павел вошёл и сразу пожалел о последней реплике. Парень платил ипотеку, растил ребёнка и не обязан был совершать подвиг в чужой переговорной. Хотя сам Павел тоже платил ипотеку — небольшую, но с хорошей памятью.

На улице моросило. Коробка впитывала воду. Телефон показал три сообщения.

Отец: «В субботу приезжай с утра. Купил кран».

Бывшая жена Ольга: «Нина хочет с тобой поговорить. Только, пожалуйста, сначала послушай».

Нина: «Пап, у тебя есть полчаса без советов?»

Он написал дочери: «Есть». Посмотрел на слово и добавил: «Кажется, теперь много».

У остановки стояла женщина в бордовом плаще и читала приклеенный к столбу листок. Павел подошёл узнать, ходит ли шестой автобус. Женщина не обернулась.

— Здесь написано, что вход со двора, — сказала она. — Со двора написано, что с торца. С торца дверь заложена кирпичом. Вы не местный?

— Местный.

— Тогда куда мне?

Павел поднял мокрую коробку повыше и посмотрел на старое двухэтажное здание. Над дверью уцелели буквы «Служба движ...». Остальное движение давно осыпалось.

— Давайте посмотрим, — сказал он.

Так началось его первое свободное утро. С чужого направления.

Глава 2

Чужая дверь

Женщина искала переплётную мастерскую. В пакете у неё лежала книга, завёрнутая в полотенце, как заболевшее животное.

— Телефон не отвечает, — сказала она. — Молодые сейчас считают, что вывеска должна развивать мышление.

У здания было четыре двери. Одна вела в подвал, другая упиралась в сложенные стулья, третья выглядела действующей, но не подавала признаков жизни. На четвёртой висела бумажка: «Если закрыто, постучите».

Павел постучал.

— Открыто! — крикнули изнутри.

— Тогда зачем бумажка? — спросила женщина.

— Для сложных случаев, — ответил голос.

Они оказались в коридоре с зелёными стенами и высоким потолком. Пахло пылью, клеем и кофе. У окна стоял стол, над столом — старые часы. Минутная стрелка двигалась, часовая отсутствовала. Время здесь продолжалось, но не настаивало на точности.

Из комнаты слева вышла женщина лет сорока в сером фартуке. Тёмные волосы были собраны карандашом. На руке у неё белела полоска клея.

— Мария Андреевна? Вы добрались.

— В основном благодаря мужчине. Он, кажется, заблудился раньше и знает дорогу.

— Ася, — представилась женщина Павлу.

— Павел.

— Вы тоже к нам?

Павел опустил глаза на кактус, который торчал из коробки с выражением полной осведомлённости.

— Пока не знаю.

Ася приняла это без удивления. Здесь, видимо, часто появлялись люди с неустановленным назначением.

Она отвела Марию Андреевну в мастерскую. Павел собирался уйти, но из глубины коридора донеслось:

— Молодой человек, подержите, пожалуйста. Только не этот край!

Пожилая женщина тащила складной стол. Он немедленно подхватил ближайший край. Стол сложился посередине, прижав ему пальцы.

— Я же сказала не этот.

— Поздно уточнили.

— Вы рано помогли.

Они посмотрели друг на друга и понесли стол уже совместными усилиями.

Женщину звали Вера Семёновна. Она была невысокой, сухой и обладала голосом, который мог отправлять составы без участия светофора. Тридцать лет она работала диспетче-

ром трамвайного депо. Уйдя на пенсию, сохранила профессиональную привычку считать любое промедление началом транспортного коллапса.

Стол понадобился для чайника, который уже стоял на другом столе.

— Тот стол нужен Алле Сергеевне, — объяснила Вера Семёновна. — У неё заседание.

— А этот?

— Для чайника.

Павел понял, что вопросы здесь не экономят усилий.

На стенде висели объявления: заточка ножей, ремонт ламп, обмен книгами, занятия шахматами. Между ними кто-то от руки написал: «Просьба не кормить Григория». Ниже другой рукой: «Я сам решу».

— Кот? — спросил Павел.

— Сантехник. У него сахар. Но он спорит.

Из мастерской вышла Ася с раскрытой книгой. На пожелтевшей странице кто-то аккуратно подчёркивал карандашом названия растений. Мария Андреевна смотрела на неё так, будто Ася держала не ботанический справочник, а человека, который однажды ушёл на минуту.

— Корешок восстановим, — сказала Ася. — Надпись останется. И эти уголки тоже, если хотите.

— Хочу.

— Тогда так и сделаем.

Павел заметил, что она не сказала «будет как новая». Ему

понравилось.

Вера Семёновна поставила чайник и спросила, что у него в коробке.

— Офисная жизнь в сокращённом виде.

— Уволили?

— Ушёл.

— Понятно. Сахар?

Она не стала ни поздравлять, ни жалеть. Павел вдруг понял, насколько устал заранее объяснять людям свой поступок.

Он выпил чай стоя. Из маленькой комнаты появился мужчина с отвёрткой за ухом, молча взял печенье и исчез. По коридору пробежал курьер с красным рюкзаком. Девочка в школьной форме спросила, нет ли у них чего-нибудь про динозавров, но не для маленьких. За окном ходили люди, которым ещё предстояло выяснить, какая из четырёх дверей предназначена для жизни.

— Вам бы указатели поменять, — сказал Павел.

— Нам бы крышу, — ответила Вера Семёновна.

— Крышу я не умею.

— А указатели?

Он кивнул и тут же ощутил знакомую опасность. Человек без работы успел найти себе работу без денег.

Ася посмотрела на часы без часовой стрелки.

— Не сегодня. Человек пришёл с коробкой. Давайте хотя бы дадим ему поставить её.

Павел поставил коробку на подоконник. От этого простого движения почему-то захотелось сесть.

— Здесь что вообще? — спросил он.

— Дом на Повороте, — сказала Вера Семёновна. — Раньше — служба движения. Потом мастерские выкупили. У нас общество собственников. У каждого своя комната, а зал и коридор общие.

— И люди заходят просто так?

— Некоторые слишком просто. Но в основном да. Книги, чай, шахматы. По четвергам ремонтируем то, что жалко выбросить.

— А по пятницам жалеем, что согласились, — добавила Ася.

На столе лежала папка. Павел увидел краем глаза надпись «Передача помещений» и отвернулся. Разглядывать чужие документы после расставания со своими было бы дурным началом свободы.

Вера Семёновна быстро накрыла папку газетой.

— Вы ведь с текстами умеете? — спросила она.

— Немного.

— Тогда у нас есть одна просьба. Очень короткая.

Ася тихо сказала:

— Вера Семёновна.

— Я только спросить.

Павел знал эту ступеньку. Сначала «спросить», затем «посмотреть», потом ты стоишь на стремянке, а человек снизу

объясняет, что и сам бы сделал, но занят.

— Что за просьба?

Из соседней комнаты вышла молодая женщина с мокрыми глазами. На груди у неё висел бейдж «Светлана», хотя здесь никто не носил бейджей. Она держала телефон двумя руками.

— Мне нужно отказаться, — сказала она. — Но так, чтобы меня не возненавидели.

Павел хотел сразу произнести красивую фразу. В голову пришли три, одна даже с внутренней рифмой. Потом он посмотрел на её пальцы: они так сжимали телефон, что побелели.

— От чего? — спросил он.

Светлана села.

В это время за окном начал падать настоящий дождь, и Павлу впервые за утро стало некуда спешить.

Глава 3

Один короткий отказ

Светлана работала в цветочном магазине через дорогу. Магазин назывался «Лёгкость», и в этом был единственный юмор его владелицы.

Каждую среду хозяйка просила Светлану «немножко подстраховать». Немножко означало до закрытия. В эту среду Светлане нужно было забрать мать после обследования, о чём она предупредила две недели назад. Хозяйка ответила сердечком, а теперь написала: «Светик, выручай, мы же команда».

— Я уже набрала, — сказала Светлана и протянула телефон.

Сообщение начиналось словами «Мне ужасно неудобно» и заканчивалось «Если совсем никак, я, конечно, постараюсь». Между ними находилась история материнского заболевания, расписание автобусов и три извинения, расположенные так, чтобы отказ не успел вырасти.

— Можно я уберу лишнее? — спросил Павел.

— Только не слишком резко.

Он набрал: «В среду я заканчиваю в шесть, как мы договаривались. Остаться не смогу. До шести подготавливаю заказы для смены».

Светлана прочитала.

— Она спросит почему.

— Вы уже говорили.

— Она могла забыть.

— Тогда можно напомнить. Но не нужно заново доказывать, что ваша мама существует.

Вера Семёновна одобрительно хмыкнула. Ася не улыбнулась, только положила рядом со Светланой бумажную салфетку. Та сначала не поняла зачем, потом вытерла лицо.

— А если скажет, что я подводила и раньше?

— Вы подводили?

— Два раза болела.

— Болезнь — не способ ведения переговоров, — сказал Павел. — Хотя некоторые работодатели предпочли бы, чтобы вы согласовывали её поквартально.

Светлана коротко засмеялась. Сразу стало видно, сколько ей лет: меньше, чем казалось минуту назад.

Она нажала «Отправить» и положила телефон экраном вниз. Через восемь секунд он завибрировал.

— Не хочу смотреть.

— Тогда не смотрите, — сказала Ася.

— Но надо же отвечать.

— Телефон сообщает, что вам написали. Он не сообщает, что вы уже опоздали.

Они пили чай. Вера Семёновна перестала греметь чашками. Даже мужчина с отвёрткой, снова появившийся за пече-

нем, взял его бесшумно.

Хозяйка написала: «Ясно. Не ожидала такого отношения».

— Вот, — сказала Светлана.

Павел почти автоматически предложил: «Ваши ожидания не были частью моего трудового договора». Реплика была хороша для человека с накоплениями и запасным местом работы. У Светланы запасной была только кофта в шкафчике.

Он стёр набранное.

— Можно ответить: «Понимаю, что смену сейчас трудно закрыть. В среду остаться всё равно не смогу».

— И всё?

— Пока всё.

Светлана снова отправила сообщение. На этот раз телефон молчал. Молчание оказалось страшнее ответа: в нём могло размещаться всё, от увольнения до вечного изгнания из флористики.

— Я ведь правда их люблю, — сказала она. — И магазин. И девочек. Когда много заказов, я сама остаюсь. Не заставляют.

— Похоже, заставлять уже не требуется, — заметила Вера Семёновна.

Ася посмотрела на неё. Вера Семёновна отвела глаза к чайнику.

Светлана ушла через двадцать минут. Она не выпрямилась внезапно и не обрела стального характера. Перед две-

рю дважды проверила телефон. Но в карман убрала его сама.

— Спасибо, — сказала она. — У вас тут как называется?

— Никак, — ответил Павел.

Курьер с красным рюкзаком, сидевший на подоконнике, немедленно вмешался:

— Бюро правильного направления.

— Тимофей, — сказала Ася, — у нас ещё одно бюро не помещается. У нас швабра в музыкальном шкафу.

— Я про концепцию.

— Концепцию тоже ставить некуда.

Тимофей оказался студентом, курьером и человеком, способным сделать событие из любой поверхности, на которую можно навести камеру. Он помогал в Доме с объявлениями, потому что Вера Семёновна до сих пор считала, что социальная сеть — это когда знаешь кассира.

— Людям нужно помогать говорить, — заявил он. — Никто не умеет нормально отказывать. Вы сейчас видели? Это же востребовано.

— Людям иногда нужно просто дать стул, — сказала Ася.

— Востребованность обнаруживается позже.

Павел рассматривал чашку. На дне осталась тонкая полоса чая. Его сегодняшнее увольнение всё ещё было рядом, но больше не занимало всю комнату.

— Я могу завтра сделать указатели, — сказал он. — Не бюро. Указатели. Час работы.

— Полтора, — поправила Вера Семёновна. — Мы ещё посмотрим.

— Один час. Потом у меня встреча с дочерью.

Он произнёс это без улыбки. И без извинения, что дочь существует. Светлана, подумал он, ещё удивилась бы, кому помогла.

Ася отдала ему лист бумаги и старый карандаш. Они прошли по коридору, отмечая двери.

Мастерская переплёта. Ремонт. Общий зал. Кладовая. Туалет.

— С последним у меня профессиональная травма, — предупредил Павел.

Ася выслушала историю открытия. Смеялась она негромко, наклоняя голову, словно жалела выпустить часть смеха мимо.

— Почему вы так долго там работали?

Павел готов был ответить про ответственность, стабильность и хорошие проекты. Но она ничего не требовала, и достойная версия себя показалась ему лишней.

— Меня любили, когда я был удобным. Я не сразу заметил разницу.

— Заметили — уже работа.

— Неоплачиваемая.

— Здесь таких много.

Она открыла последнюю дверь. В маленькой комнате стояли два стула, пустой стол и шкаф с картотечными ящиками.

На одном ящике сохранилась надпись «Задержки».

— А тут?

— Был кабинет диспетчера. Теперь ничего. Вера Семёновна считает, что рано или поздно пригодится.

— Странное ощущение.

— Какое?

— Всю жизнь пишу, куда идти. А сюда хочется просто зайти.

Ася провела пальцем по столу и показала ему пыль.

— Заходить можно. Сначала тряпка.

Когда Павел собрался домой, кактус остался на подоконнике. Он заметил это уже у двери и решил вернуться за ним завтра.

Тимофей догнал его на улице.

— Можно ту историю про стрелку рассказать? Без названия фирмы.

— Пока не надо.

— Понял.

Он действительно понял. Но по дороге к автобусу Павел услышал, как студент кому-то говорил в телефон:

— Слушай, у нас человек появился. Умеет так послать, что тебе ещё хочется дойти.

Павел остановился, хотел вернуться и объяснить, что всё было совсем не так. Потом махнул рукой. В конце концов, парень говорил по телефону, не на трибуне.

Это было первое из его новых заблуждений.

Глава 4

Человек на пять минут

На следующее утро Павел пришёл с рулеткой, маркером и твёрдым намерением уйти в двенадцать. Намерение стоило у входа рядом с зонтом и быстро промокло.

Вера Семёновна уже ждала.

— Вот этот господин буквально на пять минут.

Господин поднялся со стула. У него были портфель, вязанный жилет и лицо человека, которого недооценили сразу несколько поколений.

— Эдуард Львович. Мне сказали, вы работаете с формулировками.

— Сейчас — с табличками.

— Тем более. Мне нужна короткая надпись.

Он достал шесть исписанных листов.

Павел посмотрел на часы. До двенадцати оставалось пятьдесят восемь минут.

Эдуард Львович хотел повесить в подъезде обращение к соседу, который оставлял велосипед у почтовых ящиков. Велосипед мешал открывать дверцу. Сосед считал, что дверцу можно придержать коленом. Эдуард Львович считал, что у цивилизации иной путь развития.

Первый лист начинался словами «В последнее время от-

дельные жилыцы». Ко второму листу отдельные жилыцы уже угрожали нравственным основам общества. На третьем появился римский сенат, хотя велосипед, судя по фотографии, был отечественным.

— Чего вы хотите добиться? — спросил Павел.

— Чтобы он понял.

— А если поймёт и велосипед не уберёт?

Эдуард Львович задумался. Такой интеллектуальный подлог в его плане не предусматривался.

— Мне нужно, чтобы он убрал велосипед.

Павел взял чистый лист.

— «Пожалуйста, переставьте велосипед от почтовых ящиков. Дверцы не открываются полностью».

— Это всё?

— Можно предложить место, где он никому не мешает.

— А исторический контекст?

— Если велосипед уберут, Рим переживёт недосказанность.

Эдуард Львович сел. Потом уточнил:

— Но должно же быть понятно, какой он человек.

— Ему это уже известно. Нам нужен доступ к почте.

Павел произнёс фразу и увидел, как у гостя дрогнула щека. Он рассчитывал на союзника, а получил редактора. Разница оказалась обидной.

— Вы упрощаете.

— Да. Вы за этим и пришли.

Тут из мастерской вышла Ася.

— Эдуард Львович, вы готовы сами поговорить с соседом?

— После всего?

— После велосипеда.

Он вздохнул и собрал листы. Вера Семёновна, наблюдавшая с безопасного расстояния, сказала, что тоже началась бы с римского сената. Павел почему-то не сомневался.

После ухода гостя он попытался заняться вывесками, но появился курьер с коробкой чайных пакетиков. Тимофей занёс пакетики, попросил посмотреть объявление о шахматах и сообщил, что о Павле уже спрашивали.

— Кто?

— Люди.

— Очень точная целевая аудитория.

— Я всего лишь написал в нашей группе: помогаем говорить о сложном простыми словами.

Павел медленно положил маркер.

— Кто помогает?

— Вы. Ну, мы. Дом.

— Я соглашался на указатели.

Тимофей почесал щеку. Согласие в его картине мира было чем-то, что желательно получить, пока идея уже движется.

— Я думал, вам будет интересно.

— Спросить было бы короче, чем сейчас переделывать.

— Удалить?

Павел открыл рот и замолчал. Ему действительно было интересно. Более того, приятно. После вчерашней переговорной здесь его навыки кому-то понадобились, и никто не просил признать себя причиной чужого туалета.

Ася протянула ему скотч.

— Можно хотеть и всё равно не соглашаться на чужие условия, — сказала она. — Это разные действия.

Он посмотрел на Тимофея.

— Исправь. В четверг с пяти до семи я могу помочь нескольким людям составить письмо или подготовиться к разговору. По записи. Без обещаний решить их жизнь.

— А название?

— «Разговорная».

— Слабовато для продвижения.

— Мы ещё даже дверь не помыли.

Вера Семёновна мгновенно нашла тряпку. У неё был удивительный дар слышать в любой метафоре хозяйственную заявку.

В одиннадцать сорок пять Павел закончил стрелки. Три человека прошли от входа в мастерские, не задав ни одного вопроса. Четвёртый спросил, где тут можно распечатать квитанцию, и выяснилось, что ни одна система навигации не помогает найти то, чего нет.

— А можно ещё на обратной стороне? — попросила Вера Семёновна, протягивая лист.

— Завтра.

— Там два слова.

— Их тоже можно написать завтра.

— Вы же уже здесь.

Павел посмотрел на неё без раздражения.

— Поэтому и предупреждаю, пока меня видно.

Она поджала губы, но убрала лист. Ася улыбнулась ему поверх книги.

На улице было сухо. Павел впервые за много лет ушёл не тогда, когда всем стало достаточно, а тогда, когда собирался.

На остановке он обнаружил в кармане карандаш Аси. Вернуть его можно было за три минуты. Потом пришлось бы выпить чай, поднять шкаф и разобраться, почему принтер не принимает воспитательных мер.

Он написал ей: «Унёс ваш карандаш. Верну в четверг».

Ответ пришёл через минуту: «Пусть посмотрит город».

Павел засмеялся вслух. Женщина на скамейке немного отодвинулась, предоставляя ему место для радости.

Глава 5

Сотрудник без пропуска

В первое утро без назначенных встреч Павел проснулся в семь двенадцать и сразу опоздал.

Он успел сесть, найти одной ногой тапок, другой наступить на провод и только тогда вспомнил, что идти некуда. Организм, двенадцать лет поднимавший его на работу, не принял устного уведомления. Сердце продолжало торопиться. На кухне молчал холодильник; Павел открыл его, словно там могли храниться дальнейшие указания.

На полке стояли два яйца, горчица и тарелка под другой тарелкой. Под верхней обнаружился лимон. Он выглядел так, будто тоже недавно расстался с коллективом.

Павел сварил кофе, перенёс ноутбук к окну и впервые увидел двор в рабочее время. Оказалось, в десять утра двор принадлежал другим людям. Дворник сидел на краю клумбы и ел из контейнера. Женщина в деловом пальто долго пыталась погрузить в машину чехол с виолончелью. Два мальчика несли к мусорным бакам стул и на каждом третьем шаге садились проверить, действительно ли он больше не нужен.

Павел открыл банковское приложение. Число на экране не было катастрофическим. Именно это делало его опасным: с таким числом ещё можно было притворяться, что всё про-

исходит по плану.

Он записал обязательные расходы. За интернет пришлось заплатить больше, чем он помнил. Прежний дешёвый тариф незаметно превратился в современный. Современность, как выяснилось, поступала ежемесячно и без согласования.

Позвонил Слава.

— Ты как?

— Кофе пью.

— Уже?

— Слава, сейчас половина одиннадцатого.

— У нас совещание только закончилось. Поэтому я ещё мысленно в восемь.

Павел ждал, что дизайнер скажет что-нибудь об увольнении. Слава спросил, куда сохранили шрифт для табличек склада.

— В папку со шрифтами.

— Там пять папок со шрифтами.

— В ту, которая называется «Шрифты».

— А, понял. Не в «Шрифты новые»?

— Нет.

— И не в «Шрифты новые финал»?

— Слава.

— Всё, нашёл. Спасибо. Ты заходи как-нибудь.

После разговора Павел некоторое время смотрел на телефон. Он злился на Славу так, словно вчера тот лично развернул стрелку. Потом открыл старую переписку. Там были

пятнадцать сообщений, в которых Слава спрашивал технические вещи, и ни одного, в котором Павел прямо просил его о поддержке. Поддержка предполагалась по умолчанию, примерно как правильное напряжение в розетке. От людей он почему-то ждал более надёжной проводки.

В папке «Резюме» лежал документ, созданный семь лет назад. На фотографии Павел ещё носил пиджак, который Ольга называла праздничным отступлением от здравого смысла. Резюме начиналось словами «Целеустремлённый профессионал с богатым опытом».

Павел удалил строку. Богатым у него был только опыт бесплатных доработок.

Потом вернул слово «опыт» и написал, что именно делал. Оказалось, двенадцать лет помещались в девять строк. Он добавил ещё две, прочитал и убрал одну. Это был неприятный, но первый за утро законченный труд.

К полудню ему ответили из агентства «Смысл».

«Ваш опыт нас заинтересовал. Для знакомства с вашим стилем предлагаем небольшое тестовое задание».

Во вложении было четырнадцать страниц. Небольшое задание включало название жилого комплекса, шесть слогов, тексты для сайта и концепцию позиционирования. Срок — до утра. За окном мальчишки наконец донесли стул до баков; через минуту его уже нёс в другую сторону мужчина в вязаной шапке.

Павел начал ответ: «К сожалению, в силу текущей загрузки»

женности...»

Никакой загруженности не было. Была горчица, один некондиционный лимон и ощущение, что он не имеет права задавать вопросы людям, способным платить деньги.

Он стёр начало.

«Уточните, пожалуйста, какая часть задания нужна для оценки навыка и предполагается ли оплата остальной работы».

Ответ пришёл через три минуты.

«Мы рассчитываем на заинтересованных кандидатов».

Павел набрал: «Заинтересованность имеется. Финансирование жилого комплекса в неё не входит».

Посмотрел на фразу. Она была хороша, и именно поэтому отправлять её не следовало. Не потому, что адресат заслуживал особой нежности. Просто Павел хотел выяснить условия, а не выиграть турнир, на который его никто не приглашал.

Он написал короче: «Готов выполнить один небольшой пример. Полный объём могу оценить как отдельный заказ».

Больше ему не ответили.

В два часа он вышел за хлебом и пошёл к бывшему офису. Это произошло без решения, как иногда включается привычная песня: первый куплет уже закончился, а человек ещё не заметил. У входа он вынул пропуск. Пластик лежал в руке секунды три, пока память догоняла пальцы.

— Павел Ильич, — сказал охранник. — А вы же уже...

— Да. Я просто мимо.

Охранник посмотрел на пропуск.

— Мимо у вас обычно без него.

Павел рассмеялся. От этой простой, не рассчитанной на утешение реплики стало легче, чем от всех будущих слов о новых возможностях.

Он сдал карточку. Охранник достал журнал, долго искал нужную графу, затем записал возврат в примечаниях.

— У нас выбытие плохо предусмотрено, — пояснил он.

— Входящих вся страница, для выходящих сбоку.

— У меня тоже.

На улице Павел позвонил Славе.

— Ты утром спросил, как я. Я ответил про кофе. На самом деле мне паршиво.

Слава помолчал.

— Зайти?

— Сегодня не надо. Но завтра можешь позвонить без вопроса о шрифтах?

— Могу. Хотя со шрифтами пока тяжело.

— Ничего. Человечество переживало и более тёмные эпохи.

Обратно Павел пошёл другой улицей. У булочной мужчина в вязаной шапке сидел на спасённом стуле и ждал жену. Стул оказался не выброшенной вещью, а вполне пригодным местом для ожидания. Павел чуть не превратил это в утешительную мысль о собственной жизни, но вовремя остановился: стулу не предстояло оплачивать интернет.

Дома пришло ещё одно письмо. Небольшому производителю светильников нужен был редактор инструкции. Заказ без вдохновляющего названия, без знакомства с уникальным стилем и с указанной суммой.

Павел ответил, что может посмотреть материал. Ему прислали файл с названием «Инструкция новая последняя точно 3».

Он улыбнулся и впервые за день придвинул ноутбук к себе с желанием работать.

Глава 6

Семейная система навигации

Нина выбрала кафе, в котором все стулья отличались друг от друга. Павел предположил, что владелец открывался после раздела имущества.

— Папа, ты можешь сегодня не оценивать интерьер?

— Я ещё ничего не сказал.

— У тебя бровь сказала.

Он опустил бровь и заказал чай.

Дочь была в огромной куртке, со следом краски на рукаве. В детстве она постоянно теряла варежки. Теперь у неё на шее висела камера стоимостью с его подержанную машину, и он старательно не смотрел на ремешок.

— Я хочу взять перерыв в институте, — сказала Нина.

Чай принесли вовремя. Павел взял чашку обеими руками, чтобы они не начали немедленно руководить судьбой дочери.

Нина училась на рекламе, потому что после школы ей нравилось фотографировать, а взрослые объяснили, что это почти одно и то же, только с дипломом. Теперь она работала помощницей фотографа, снимала мастерские, чужие свадьбы и пустые улицы. Учёба казалась ей маршрутом, на который она села из-за большого количества уверенных людей на оста-

новке.

— На сколько? — спросил Павел.

— На год. Я узнала, что нужно оформить. Но сначала хочу поговорить с куратором и понять, какие есть варианты.

Он почувствовал облегчение и тут же испытал стыд: дочь пришла не с капризом, а с планом. Просто план не успел получить его подпись.

— Как будешь жить?

Нина показала таблицу расходов. В ней были аренда комнаты, еда, проезд и «непредвиденное». Сумма в последней строке казалась Павлу наивной. Его собственное непредвиденное только что лишилось зарплаты.

— Здесь мало, — сказал он.

— Знаю. Поэтому я не уйду завтра. Мне нужно накопить.

— Фотография нестабильна.

Нина подняла глаза.

— А твоя работа?

Павел посмотрел на чай. Чай был стабилен: неприятно дорог и уже холоден.

— Моя работа сегодня особенно нестабильна.

Он рассказал об уходе. Нина выслушала, не перебивая. Потом спросила:

— Ты рад?

Ему хотелось сказать «пока рано делать выводы». Так взрослые прикрывали растерянность, когда даже их внутрен-

ний бухгалтер не успевал объяснить, что произошло.

— Да. И страшно.

— У меня тоже.

На несколько секунд они оказались по одну сторону стола.

Потом Павел увидел в таблице строчку «Объектив» и не выдержал:

— А без этого сейчас нельзя?

Нина выдохнула.

— Можно. Но тогда я не смогу брать часть заказов.

— Есть вещи важнее техники.

— Папа, я пришла рассказать, а не защитить диссертацию на тему, почему имею право попробовать.

Он открыл рот, закрыл и кивнул.

— Хорошо. Какой разговор тебе сейчас нужен? Чтобы я послушал, помог посчитать или поспорил?

Нина внимательно посмотрела на него.

— Тебя кто-то заменил?

— На прежнего кончилась гарантия.

Она рассмеялась, и напряжение отступило настолько, чтобы можно было дышать.

Нина попросила посчитать. Не решить за неё, не найти знакомого с нормальной вакансией и не позвонить матери для формирования родительского большинства. Просто посчитать.

Они провели за таблицей сорок минут. Павел показал, где лучше заложить запас. Нина объяснила, почему на питание

уходит больше, чем он думал: на его памяти гречка стоила дешевле, а дочь жила дома.

— В субботу у меня съёмка, — сказала она. — Нужен помощник на полдня. Поддержать свет, забрать вещи, следить, чтобы люди не унесли реквизит. Платят немного.

Павел уже собирался ответить, что у отца кран. Остановился.

— Во сколько?

— В десять.

— Смогу.

— Только я там главная.

— Попытаюсь пережить.

После кафе он позвонил отцу.

— В субботу приеду после четырёх.

— Я написал с утра.

— Видел. У меня работа с Ниной.

— Ты же в своей конторе по субботам не работаешь.

— Уже и по понедельникам не работаю.

Отец молчал. На заднем плане что-то металлически упало.

— Что натворил?

Павел закрыл глаза. Вот она, семейная навигация: сначала найти ошибку, потом сына.

— Уволился.

— В твоём возрасте не увольняются просто так.

— И в моём возрасте на это бывают причины.

— Приезжай. Поговорим.

— В субботу после четырёх.

— А кран?

— Если срочно, вызови мастера. Я оплачу половину.

— Чужой человек полезет в мою систему?

Система у отца состояла из труб разных лет выпуска, двух насосов и убеждения, что покупные решения рассчитаны на слабых. Каждый ремонт добавлял ей уникальности. Последний сантехник посмотрел, сказал «интересно» и вспомнил о срочном заказе.

— Тогда кран подождёт до четырёх.

— Конечно. Теперь у всех дела.

Павел почувствовал привычный толчок в груди: надо оправдаться, предложить приехать ночью, доказать, что любовь к отцу измеряется готовностью сорвать чужую съёмку.

— Да, пап. У всех. У тебя тоже. До субботы.

Он нажал отбой раньше, чем успел стать виноватым по всей форме.

На экране всплыло сообщение Нины: «Спасибо, что сегодня не спасал меня от меня».

Павел хотел ответить остроумно. Не нашёл ничего подходящего и написал: «Учусь».

Это слово не требовало украшений.

Глава 7

Колонны за чужой счёт

Сразу после разговора в кафе Нина прислала отцу снимок женщины у окна. Женщина была красива той красотой, которая существует до того, как человеку предлагают улыбнуться.

«Как тебе?» — спросила дочь.

Павел долго подбирал ответ, чтобы не оказаться ни восторженным родственником, ни самозванным художественным советом. Написал, что в кадре хочется рассматривать лицо, а не фон.

«Вот. А заказчица говорит, что фон недостаточно дорогой».

Женщина заказала фотографии для сайта своей студии. Нина заранее обсудила место, одежду, время. Сняли в мастерской с большим окном, где было много воздуха и мало признаков исключительного положения в обществе. Заказчице после просмотра захотелось мрамора, колонн и ощущения, что её советы начинаются не дешевле пятнадцати тысяч.

— Ты же можешь дорисовать, — сказала она Нине по телефону. — Сейчас всё можно.

— Могу изменить часть фона. Но мы договаривались о

естественной съёмке в этом помещении.

— Я не специалист. Ты должна была понять, чего я хочу.

Вечером Нина заехала к отцу с ноутбуком. Они сели на кухне, и дочь включила запись голосового сообщения заказчицы. Павел слушал и пытался не покраснеть за профессию взрослых.

— А чего она хотела? — спросил он.

— Выглядеть собой. Я записала. Вот письмо.

В письме действительно было «живые естественные фотографии без пафоса». Через три сообщения — просьба сделать фон внушительнее. Ещё через два — предположение, что переделка входит в цену, потому что «результат пока не тот».

— Ответить надо жёстко, — сказал Павел.

Нина подняла глаза.

Он почувствовал, что только что собирался исполнить именно ту родительскую программу, которую обещал выключить.

— Извини. Какой результат тебе нужен?

— Чтобы она выбрала: либо принимает согласованный вариант, либо платит за другую обработку. Я не хочу с ней ссориться. Она не ужасная, просто не знает, сколько это работы.

Павел прочитал переписку ещё раз. Заказчица действительно не ругалась. Она говорила уверенно, приятно и постоянно расширяла договорённость, не замечая, что у второго человека она не резиновая.

Нина написала сама:

«В согласованную стоимость входят выбранная съёмка и обработка в показанном стиле. Замену фона на другой интерьер я могу оценить отдельно. Если хотите сохранить естественный вариант, подготовлю десять фотографий к пятнице».

— Хорошо, — сказал Павел.

— Не надо добавять что-нибудь про то, что я ценю сотрудничество?

— Если правда ценишь, можно. Но это не обязательный налог на просьбу об оплате.

Нина отправила. Заказчица ответила почти сразу: «Думала, ты гибче».

Павел почувствовал, как ему доставляет удовольствие будущий ответ. «Гибкость не предполагает отсутствие позвоночника». Прекрасная фраза. Он даже начал её произносить.

Нина подняла ладонь.

— Пап. Я с человеком работаю. Не в конкурсе остроумия участвую.

Он замолчал, потом рассмеялся.

— Справедливо.

Дочь ответила: «Готова обсудить варианты. Для другого объёма работы нужна другая стоимость».

Они заказали ещё чаю. Нина заметно нервничала, хотя на экране выглядела уверенной. Павел сказал, что внешняя спокойная фраза не обязывает её быть спокойной внутри.

Она кивнула и всё равно каждые полминуты смотрела в телефон.

Через двадцать минут заказчица выбрала естественные фотографии.

Павел хотел сказать «вот видишь», но вовремя вспомнил, сколько раз эта фраза раздражала его самого. Он просто поднял чашку.

— За оплаченный фон без колонн.

Нина улыбнулась.

История могла бы закончиться на этом, если бы через час женщина не написала ещё одну просьбу: отправить ей все исходные кадры и разрешить использовать их в рекламе чужого косметического средства. Условия съёмки этого не включали. Нина снова объяснила, что именно передаёт и для каких задач они договаривались работать.

— Она будет просить бесконечно, — устало сказала дочь.

— Возможно. Но тебе не обязательно бесконечно расширять ответ.

Павел поймал себя на том, что наконец помогает в конкретной задаче, а не высказывается о поколении заказчиков.

Нина всё-таки сделала одну ошибку. Из желания закончить приятнее отправила заказчице лишний обработанный портрет в подарок, не обозначив, что это подарок. Через минуту женщина попросила ещё три в таком же стиле.

— Сама открыла дверь, — сказала Нина.

— Дверь можно закрыть. Не обязательно жить в коридоре

из-за одного удачного движения.

На этот раз она ответила: «Дополнительный кадр я работала по своей инициативе. Остальные могу сделать за отдельную оплату».

Заказчица прислала сердечко. Нина не стала гадать, означает оно согласие, обиду или отсутствие времени.

Вечером Павел ещё раз посмотрел на портрет. Лицо женщины оставалось хорошим. От того, что она торговалась и хотела колонны, фотография не переставала быть живой.

Он написал дочери: «Кажется, я бы слишком быстро сделал из неё плохого человека».

Нина ответила: «А я бы слишком быстро поработала бесплатно».

Они поставили друг другу по одному смеющемуся значку и разошлись по собственным ошибкам с чуть лучшей картой.

Глава 8

Домовой чат

В среду Павла разбудили сорок семь сообщений. По мнению домового чата, во втором подъезде одновременно завелись курильщик, маньяк и человек, который неправильно сортировал пластик. По фотографии все трое оказались одним пакетом у мусоропровода.

Павел выключил звук, сварил кофе и открыл вакансии. Работа с навигационными текстами почти везде называлась «контент-менеджер широкого профиля». Под широким профилем подразумевались тексты, дизайн, съёмка видео, настройка рекламы и готовность иногда привезти директора из аэропорта.

Он отправил два отклика. Потом ещё один, на вакансию редактора каталогов. Отказ пришёл так быстро, что Павел почувствовал уважение к чужой организованности.

В одиннадцать позвонила соседка Зоя Павловна.

— Вы дома?

Вопрос содержал опасную двусмысленность. Ответ «да» часто означал согласие на всё последующее.

— Дома. А что нужно?

— У нас вопрос по чату. Вы же умеете писать.

Через десять минут она стояла у порога с распечатка-

ми. Кто-то назвал её «инициативной женщиной с избытком свободного времени». Зоя Павловна собиралась ответить от имени культуры.

— Посмотрите, как тонко хамит.

— Вижу.

— Надо так, чтобы понял.

Павел почти услышал шорох римского сената.

Соседка хотела установить камеру у лифта. Другой сосед считал, что сначала нужно починить доводчик. Третий написал, что камеры бесполезны, потому что лично ему скрывать нечего. После этого обсуждение перешло к тому, почему именно ему скрывать нечего и кому это вообще интересно.

Павел прочитал последние сообщения.

— А где решение про камеру?

— До него не дошли. Он начал.

— Можно вернуть разговор к вопросу. «Личные характеристики оставим за пределами обсуждения. Предлагаю сравнить стоимость камеры и ремонта двери, затем решить, с чего начать».

Зоя Павловна огорчилась.

— А чтобы его поставить на место?

— Сейчас он занимает весь разговор. Можно просто не выделять ему ещё площадь.

Она записала и ушла без обещания воспользоваться. Через двадцать минут в чате появилась предложенная фраза.

За ней Зоя Павловна дописала: «Хотя некоторым, безусловно, следует поработать над воспитанием».

Обсуждение немедленно вернулось к воспитанию.

Павел положил телефон экраном вниз. Человек может протянуть другому верёвку, но не обязан следить, не решил ли тот связать ею оппонента.

К вечеру пришла просьба от Веры Семёновны: помочь ответить организации «Опора», которая хотела провести в Доме встречу.

Он открыл письмо. Вежливое, гладкое, без единого лишнего слова. Предлагалось обсудить «обновление пространства и современные форматы использования». Павел не любил форматы, которым заранее не требовались люди.

— Что они собираются делать? — спросил он по телефону.

— Центр занятий. Курсы, аренда рабочих мест. Ничего плохого.

— Тогда почему нельзя так написать?

— Не придирайтесь. Нам нужны деньги.

В голосе Веры Семёновны впервые прозвучало что-то кроме распоряжения.

Павел уточнил, кто принимает решение. Оказалось, у общества семь собственников мастерских, и общее помещение они могут сдавать по своему соглашению. Раньше зал почти не приносил денег, теперь расходы росли, один из участников давно не платил, а крыша не понимала, что люди стара-

ются.

— Ася знает?

— Все знают, что у нас трудности.

Это был ответ на соседний вопрос.

Павел предложил сначала запросить конкретные условия: часы, помещения, доступ посетителей, обязанности по ремонту. Вера Семёновна обещала переслать.

Позже ему написала Светлана. Владелица магазина нашла подмену. Без сердечек. Светлана закончила смену в шесть и теперь сидела с матерью в автобусе.

«Она весь день со мной сухо разговаривала», — добавила она.

Павел набрал: «Сухо — не всегда опасно. Иногда человеку просто не понравился ваш ответ».

Потом дописал: «Но если начнутся конкретные проблемы, лучше разбирать их отдельно, а не терпеть ради красивой фразы».

Он не был психологом, юристом или чудотворцем. Сегодня это обстоятельство казалось особенно важным. Короткое сообщение могло помочь, но не превращало его автора в специалиста по чужой жизни.

В девять позвонил Лавров.

— Паша, как ты? Остыл?

Павел сидел на кухне в старой футболке, ел гречку и чувствовал себя скорее остывающим ужином.

— Слушаю.

— Нужно найти исходники схемы. Слава не может.

— Папка, которую я указал в передаче.

— Там разные версии. Ты бы приехал, показал.

— Могу завтра дать двадцать минут по видеосвязи. Если нужна работа с файлами, обсудим отдельно.

— Ты же понимаешь, мы сейчас без тебя буксуем.

На секунду Павлу стало приятно. У них без него буксуют. Значит, нужен. Значит, увольнение можно отменить, и всё снова станет привычным, включая собственное недовольство.

— Понимаю, — сказал он. — В десять удобно?

— Раньше ты проще относился к таким вещам.

— Раньше это было рабочее время.

Лавров помолчал.

— Ты прямо новый человек.

— Нет. Старый, только с расписанием.

После разговора Павел открыл календарь. В четверг с пяти до семи стояло «Разговорная». Он добавил: «Уйти в 19:15». Подумал и перенёс на 19:00.

Домовой чат тем временем наконец пришёл к решению. Жильцы постановили создать отдельный чат для обсуждения двери.

Камеру пока победила организация процесса.

Глава 9

Ничего личного в прихожей

Зоя Павловна перехватила Павла между почтовыми ящиками и лифтом. В её руках был пакет с картошкой, однако беседа явно готовилась без участия овощей.

— Вы человек грамотный. Объясните им.

— Кому?

— Всем.

Павел посмотрел на лифт. Тот стоял с открытыми дверями и редким для общественного механизма пониманием ситуации.

— А что именно?

— Что нельзя жить так, будто вокруг никого.

В подъезде пахло жареным луком. На ящике квартиры тридцать восемь лежали рекламная газета и один детский носок. Человечество оставило достаточно следов, чтобы предъявить ему обвинение.

Зоя Павловна объяснила: молодая соседка с четвёртого этажа поставила в общей нише коляску, сосед с третьего — два колеса, а кто-то ещё — коробку от телевизора. Всё это стояло давно, но вчера коляску передвинули к стене Зои Павловны, и вопрос приобрёл общественное значение.

— Давайте завтра в семь соберёмся, — предложил Павел.

— На десять минут. Кто пользуется нишей.

— Их не собрать. У них дети, работа, жизнь. Одна я, видимо, репетиция.

Он мог бы сейчас составить сообщение в чат. В голове уже выстраивалось изящное начало: «Уважаемые любители расширять частную собственность за счёт общей...» Но вечером предстоял разговор с дочерью, в сумке лежала ещё не прочитанная инструкция, а Зоя Павловна держала картошку так, будто готовилась ждать до капитуляции.

— Я напишу о встрече. Вести её не обещаю.

— А кто будет?

— Те, кому нужно освободить нишу.

Зоя Павловна обиделась раньше, чем поняла смысл предложения. Лифт закрылся, не дождавшись развязки.

На следующий вечер пришли пятеро. Молодая соседка оказалась Дашей, врачом лаборатории; коляску она не убирала домой, потому что в прихожей после этого нельзя было закрыть дверь. Хозяином колёс был Валерий, который третий месяц собирался отвезти их в гараж. Коробку оставил сам Павел: два года назад купил отцу телевизор, потом решил сохранить упаковку для переезда, которого никто не планировал.

Это выяснилось на четвёртой минуте, когда Зоя Павловна торжественно повернула коробку адресной наклейкой наружу.

— Вот, — сказала она. — И ещё учит.

— Пока только написал о встрече, — ответил Павел. — Но замечание принимается.

Коробка оказалась огромной. Сложенная, она занимала почти столько же места, сколько в расправленном виде: пенопласт внутри имел собственную волю и крепкие убеждения. Павел попробовал вынуть его, задел плечом счётчик и мгновенно утратил репутацию человека, способного руководить пространством.

Даша придержала коробку.

— У вас телевизор или запасной лифт?

— Отец хотел, чтобы цифры на экране были видны.

— Теперь понятно, почему весь подъезд их учитывает.

Валерий сообщил, что не может убрать колёса: гараж затопило.

— Но это не означает, что вода дошла до нашего четвёртого этажа, — сказала Зоя Павловна.

Павел заметил, что без его помощи соседка прекрасно справляется с интеллигентными формулировками. Проблема была не в словарном запасе. Все пятеро уже пятнадцать минут предлагали друг другу удобство за чужой счёт.

Из квартиры вышел муж Даши с ребёнком на руках. Мальчик увидел коляску, принял происходящее за прогулку и обрадовался с такой убедительностью, что взрослые на время потеряли право спорить.

— Мы можем складную купить, — сказал муж. — Но не сейчас.

— А мне пока через вашу молодость перешагивать? — спросила Зоя Павловна.

Даша открыла рот. Павел поспешил вмешаться, уже почти уверенный, что сейчас спасёт разговор.

— Давайте отделим личное от...

— Павел Ильич, — сказала Даша. — Можно я сама отвечу?

Он отступил к своей коробке.

— Зоя Павловна, я понимаю, что вам мешает. Давайте посмотрим, куда её можно ставить, чтобы оставался проход. Если не найдём места, будем решать у себя. Но обсуждать, зачем мы родили ребёнка, я не буду.

— Я разве сказала «зачем»?

— Нет. Я заранее обозначила поворот.

Валерий принёс рулетку. Потом ещё одну, потому что первая не вытягивалась. Потом из его квартиры вышла жена и с первого движения вытянула обе.

— Вы всегда это делаете с таким лицом, будто металл должен вас уважать, — сказала она.

Проход измерили. Оказалось, вопрос нельзя решить простым перемещением: распахнутая створка подъездной двери задевала коляску в любом месте. Даша притихла. Её муж покачал ребёнка, который уже понял, что прогулку пытаются отменить средствами взрослой речи.

— У нас внизу помещение под лестницей, — вспомнил Валерий. — Там бывшая уборщица держала ведро.

— Там заперто, — сказала Зоя Павловна.

— У кого ключ?

Она переложила пакет из руки в руку.

— У меня. Но там порядок.

Через пять минут выяснилось, что порядок состоял из трёх пустых банок, лыж без креплений, ведра с высохшей краской и искусственной ёлки, принадлежавшей всему подъезду по воспоминаниям одной Зои Павловны.

— Мы её на Новый год ставили.

— Когда? — спросила жена Валерия.

— Ещё до ремонта.

Ремонт был в год, когда Нина пошла в первый класс.

Никто не произнёс этого вслух. Павел неожиданно понял, как быстро можно превратить освобождение маленькой комнаты в публичное унижение человека, который пятнадцать лет хранил для соседей праздник, о котором соседи не помнили.

— Ёлку сначала соберём, — предложила Даша. — Если целая, оставим. В декабре пригодится.

Ёлка оказалась без верхушки. Валерий нашёл её в ведре. Зоя Павловна выпрямилась и распорядилась, чтобы ветки не путали по длине.

До восьми вечера они разобрали помещение, вынесли чужой мусор, отнесли картон Павла к контейнеру и договорились спросить у управляющего, можно ли использовать комнату для колясок, не нарушая нужного прохода. Зоя Павлов-

на не отдала единственный ключ. Муж Даши предложил сделать второй за свой счёт, и это устроило её гораздо больше, чем призыв немедленно отказаться от власти.

Павел вернулся домой с пылью на рукавах и ощущением, что его десять минут выросли в час. В отличие от прежних таких часов, он хотя бы знал, где сам согласился остаться.

В чат уже поступила фотография чистой ниши. Под ней было написано: «Когда люди могут нормально договориться».

Павел посмотрел на чёрные следы от пенопласта на ладонях. Ему захотелось уточнить цену слова «нормально», но он ограничился сообщением, что картон был его и больше там стоять не будет.

Зоя Павловна прислала личное:

«Спасибо. Вы хорошо всё объяснили».

Он перечитал. За весь вечер ему дали закончить от силы три фразы.

«Вы сами договорились», — ответил Павел.

Через минуту пришло:

«Ну, без грамотного человека они бы не послушали».

Он не стал спорить. Не каждую неправильную мысль требуется выносить из подъезда в тот же вечер.

Глава 10

Семь человек и один стул

В четверг к пяти пришли семь человек. Записаны были четверо. Двое считали запись рекомендацией, а седьмой зашёл спросить про заточку ножниц и решил остаться: лицо у всех было такое, будто ножницы скоро понадобятся.

Тимофей расставил стулья полукругом.

— Я записывал по времени, — сказал Павел.

— Вместе динамичнее.

— Они пришли с личными вопросами.

— Ну, не будут же рассказывать совсем личное.

Первая посетительница немедленно сообщила, что её муж любит другую женщину, но ей сейчас не до этого: свекровь собирается переехать к ним с собакой.

Стулья пришлось убирать.

Павел провёл посетительницу в бывшую диспетчерскую. Ася осталась в коридоре, раздавая чай и объясняя, что принимать будут по одному. Вера Семёновна принесла третий стул, потому что посетительница пришла с подругой. Подруга заранее знала, что надо делать, и не понимала, зачем затягивать.

— Я только помогу ей сформулировать, — сказала она.

— А вы хотите, чтобы подруга осталась? — спросил Павел

посетительницу.

Та посмотрела на подругу с ужасом человека, которому предлагают признаться в государственной измене.

— Можно я сначала одна?

Подруга обиделась без слов, но очень подробно. Дверь она закрыла так бережно, что это прозвучало хуже хлопка.

Посетительницу звали Ирина. Она не хотела решать весь брак в комнате с чужим кактусом. Она хотела отказаться от переезда свекрови и боялась показаться жестокой.

Павел предложил не начинать разговор с претензий к собаке. Собака была самым безопасным участником истории, поэтому на неё уже возложили значительную часть семейных трудностей.

— «Я не согласна на совместное проживание. Давайте отдельно обсудим, какая помощь вашей маме нужна и что мы можем сделать».

— А если он скажет, что квартира и его тоже?

— Тогда он прав в этой части. Но совместное решение не получается из одного согласия и одного давления.

Ирина попросила написать. Он написал. Она убрала лист в сумку и призналась, что думала услышать что-нибудь уничтожающее.

— Я уже устала уничтожать, — сказала она. — Всё равно потом самой собирать.

Следующим пришёл мужчина в дорогой куртке. Он хотел придумать фразу для официанта, который «смотрел не так».

Павел спросил, что произошло. Оказалось, официант попросил его не ставить ноги на свободный стул.

— Я клиент. Плачу деньги.

— За еду или за возможность наступать на мебель?

Мужчина прищурился.

— Вы на чьей стороне?

— Стула. Он здесь пока самый понятный участник.

Гость встал и сообщил, что больше сюда не придёт. Павел ответил: «Это ваш выбор», но внутри испытал такое удовольствие, что ему стало неловко. Он помог человеку ровно настолько, насколько ему понравился сам человек. Это была не лучшая основа для работы.

Ася, услышав пересказ, спросила:

— А нельзя было просто сказать, что вы не будете помогать унижать официанта?

— Можно.

— Почему не сказали?

— Про стул смешнее.

Она кивнула и ничего не добавила. От этого ответ стал ещё хуже.

К шести выяснилось, что пятнадцати минут хватает, только если у человека нет предыстории. У каждого она была. У женщины с вопросом о возврате денег — три года дружбы. У парня, которому коллеги сбрасывали работу, — испытательный срок. У пожилого посетителя — умершая жена и взрослая дочь, которая звонила каждый вечер проверить

давление.

— Мне не нужна дерзость, — сказал старик. — Мне нужно, чтобы она не думала, что я уже вещь, которую надо правильно хранить.

Павел перестал крутить карандаш.

— А вы ей так говорили?

— Она заплачет.

Они долго искали слова. В итоге старик написал сам: «Я рад твоим звонкам. Только давай сначала о жизни, а потом о давлении. У меня пока есть и то и другое».

Павел хотел похвалить. Старик уже складывал бумагу и не нуждался в оценке.

В семь в коридоре оставались две женщины. Одну записал Тимофей на время, которого не существовало. Вторая пришла за ножницами и теперь категорически отказывалась уходить, пока не расскажет о племяннике.

Павел вышел к ним.

— Сегодня я больше не смогу принять. Мы ошиблись с записью. Извините. Можно перенести на следующий четверг или оставить вопрос письменно.

— Я два автобуса ехала, — сказала первая.

Он не стал рассказывать, как тяжело ему дались эти два часа.

— Понимаю. Это наша ошибка. Давайте я предложу отдельное время, чтобы вы не ехали ещё раз зря.

Они договорились о коротком звонке в пятницу. Женщи-

на ушла недовольной, и Павел позволил ей уйти недовольной. Это было труднее, чем найти красивую реплику.

Когда коридор опустел, Ася села прямо на подоконник. На фартуке у неё засохло новое пятно клея.

— Вы не успели работу? — спросил он.

— Успею ночью.

— Из-за нас?

— Из-за нас, чая, стульев, одного сломанного замка и человека, который не смог найти туалет. Вашу табличку закрыли афишей.

Павел посмотрел на Тимофея. Тот осторожно снял афишу.

— Больше групповых приёмов не будет, — сказал Павел.

— И чужую историю без разрешения никуда не переносим. Ни в объявления, ни в разговоры о том, какие мы полезные.

— Я понял, — сказал Тимофей.

— Запиши, пожалуйста. У нас понимание очень быстро обгоняет память.

Тимофей записал. Потом показал телефон:

— А вот общее фото коридора можно? Лиц нет.

Павел посмотрел. На фотографии была видна только его рука с карандашом и надпись на ящике «Задержки».

— Это можно.

Снимок получился хороший. Именно с него и начались неприятности.

Глава 11

Цена бесплатного

Алла Сергеевна пришла в пятницу с двумя папками. Синяя предназначалась для обычных проблем, красная — для тех, которые уже нельзя было переносить в синюю.

Она работала бухгалтером в небольшой строительной фирме, а вечером вела счета общества мастерских. Бесплатно — до тех пор, пока кто-нибудь не начинал говорить, что бухгалтерия простая и там всего несколько квитанций. Тогда Алла Сергеевна предлагала передать её этому талантливому человеку. Пока желающих не нашлось.

Павел зашёл вернуть Асе карандаш и попал на обсуждение расходов.

— Садитесь, — сказала Вера Семёновна.

— Я не собственник.

— Зато уже расходуете чай.

Он сел, но попросил сразу уточнить, в какой роли присутствует. Алла Сергеевна посмотрела на него с уважением: в этом здании роли обычно выдавались задним числом вместе с обязанностями.

— Как человек, которому, возможно, предложат вести занятия, — сказала она. — Но сегодня ничего не решаем за вас.

Цифры были небольшими для любой громкой статьи о развитии города и большими для семи мастерских. За отопление платили с задержкой. На ремонт части крыши не хватало. В общей кассе оставались деньги примерно на месяц обычной жизни, если ничего не сломается. Григорий-сантехник заглянул в дверь, и все невольно посмотрели на него как на прогноз.

— У нас кран в зале, — сказал он.

— Не сейчас, — попросила Алла Сергеевна.

— Тогда потом пол.

Ему разрешили говорить.

Павел слушал, как обсуждают трубы, окна и долги. До этого Дом казался ему местом, которое существует благодаря человеческому теплу. Теперь у тепла обнаружились поставщик, тариф и просрочка.

— «Опора» предлагает закрыть основные расходы, — сказала Вера Семёновна. — Они займут зал и две комнаты первого этажа по вечерам. Поставят нормальную дверь, мебель. Здесь будет красиво.

Ася листала распечатку.

— А дневной доступ?

— Пока обсуждаем.

— Вера Семёновна, здесь написано «режим доступа устанавливается оператором».

— Это стандартная формулировка.

— Стандартная дверь тоже может быть закрыта.

Павел посмотрел на неё. Она впервые за эти дни говорила сухо и быстро.

Представитель «Опоры» Роман Забелин должен был прийти в понедельник. Пока они прислали презентацию: светлые стены, растения в кадках, люди с ноутбуками, которым ничто не мешало быть продуктивными. Ни одного старика с лампой, ребёнка с динозаврами или Григория с булкой на слайдах не было.

— Они не обязаны содержать наше всё, — сказала Алла Сергеевна. — Мы тоже не можем содержать его обещаниями.

— Я не спорю, — ответила Ася. — Хочу понять, что останется.

Вера Семёновна откинулась на спинку стула.

— Если ничего не сделать, не останется ничего.

Такое предложение не оставляло места между согласием и катастрофой. Павел узнал конструкцию. Лавров часто пользовался ею, только вместо крыши у него был заказчик.

— Давайте посчитаем хотя бы два варианта, — сказал Павел. — С ними и без них. Пока мы сравниваем конкретное предложение с общим страхом.

Алла Сергеевна пододвинула синюю папку.

— Наконец-то.

Они начали считать. Выяснилось, что мастерские платят вовремя не все. Лев Борисович, мужчина с отвёрткой, оплачивал ещё и общий свет в своей части коридора. Ася покупа-

ла чай, мыло, пакеты для мусора и иногда бумагу для принтера. Вера Семёновна из пенсии доплачивала уборщице, когда касса пуста. Никто не воровал. Все понемногу закрывали дыры, чтобы не разговаривать о том, почему они появляются.

— Сколько вы тратите на общий зал? — спросила Алла Сергеевна Асю.

— Не записывала.

— Примерно.

Ася назвала сумму. Вера Семёновна подняла голову.

— Зачем столько?

— Потому что люди пользуются туалетом не по финансовому плану.

Павел улыбнулся, но Ася не улыбалась.

Когда обсуждение закончилось, она осталась собирать чашки. Павел взял поднос.

— Вы могли сказать раньше.

— Конечно. Отличный совет человеку, который уже не сказал.

Он остановился.

— Извините.

— Ладно. Я сама люблю объяснять другим, как надо вовремя отказывать.

В мойке медленно уходила вода. Ася засучила рукава.

— Мама здесь работала, — сказала она. — В библиотеке для сотрудников. Я после школы сидела в углу, читала

всё подряд. После её смерти думала продать комнату. Потом кто-то попросил подклеить книгу. Потом ещё одну. Незаметно оказалось, что я здесь живу дольше, чем дома.

— Хотите продать сейчас?

— Не знаю. Но хочу иметь возможность подумать, не чувствуя себя предателем мебели.

Он вытер чашку. За окном Тимофей прикреплял к ограде новую афишу. Большие буквы обещали людям, что здесь их услышат.

Ася посмотрела туда же.

— Вот бы нас тоже иногда, — сказала она.

Глава 12

Комната с чужим именем

В комнате Александра работала маникюрщица Кристина. Павел впервые увидел её, когда она пыталась пронести через коридор складную кушетку. Кушетка предназначалась для другой процедуры, название которой Павел не запомнил, но судя по её размерам красота нуждалась в серьёзной инженерной поддержке.

— Не поможете? Только здесь придержать.

Он придержал. Через двадцать секунд кушетка освободилась, Кристина шагнула вперёд, а Павел остался зажат между ножкой и стеной.

— Вы можете отпустить, — сказала она.

— Теоретически да.

Чтобы извлечь помощника, пришлось вернуть красоту в исходное положение.

Кристина носила синий фартук с вышитой веточкой и тяжёлые ботинки. На вид ей было около тридцати. Она говорила быстро, как человек, которому приходится одновременно работать руками и поддерживать чужое настроение. На двери её кабинета висела табличка «Ваше время для себя». С обратной стороны двери были приклеены чеки, расписание школьных каникул и записка «Молоко».

— А вы здесь кто? — спросила она, когда кушетка наконец встала к стене.

— Пока никто определённый.

— Хорошая должность. Только недолго длится.

В кабинете пахло чистящим средством и кофе. У окна стояло кресло, у стены — маленький столик с лампой. На подоконнике в горшке росло что-то зелёное, более уверенное в своём будущем, чем Павлов кактус. По комнате было видно, сколько решений пришлось принять человеку, прежде чем другие смогли прийти сюда на своё время для себя.

Кристина достала два бумажных стаканчика, потом один убрала.

— Я вам кофе не предлагала, да?

— Ещё нет.

— А рука уже работает. Будете?

— Спасибо, буду.

— Вот и хорошо. Мне всё равно пять минут сидеть надо.

А то я отдыхаю только если кто-то согласился попить.

Она рассказала, что сняла комнату полтора года назад. Сама покрасила стены, оплатила розетки, купила кресло в рассрочку. Александр был не самым плохим хозяином: не вмешивался в работу, отвечал на звонки, иногда чинил кран. Но теперь сообщил, что здесь «назревают изменения».

— Это он так сказал, будто комната фрукт. И когда созреет, меня из неё вытряхнут.

— Вы спрашивали, какие изменения?

— Спрашивала. Говорит: «Пока не переживайте». После этих слов я уже три ночи переживаю с опережением графика.

Павел вспомнил красную папку, планы аренды и общие разговоры о будущем Дома. В них были мастерские, библиотека, занятия, люди старшего возраста. Кристина в эти разговоры не попадала. Её дверь находилась чуть в стороне, и этого оказалось достаточно, чтобы целую работу не заметили.

— На встречу собственников вас приглашали?

— А зачем? Я не собственник. Я декоративное растение с кассой.

Она засмеялась, но Павел не поддержал: слишком отчётливо услышал, сколько времени Кристина сама училась пре-
вращать тревогу в удобную для собеседника шутку.

В коридоре появилась Вера Семёновна.

— Паша, вас Ася ищет.

— Сейчас приду.

Вера заглянула в кабинет.

— Кристиночка, вы бы клиенткам сказали, чтобы бахилы надевали. Вчера натоптали.

— У меня все переобуваются.

— Ну кто-то же ходит.

— По вторникам хор. По четвергам ремонт часов. Вчера у вас мужчина с мешком картошки был.

— Это другое.

— Грязь умеет различать назначение визита?

Вера Семёновна поджала губы. Павел вдруг увидел, что сейчас от него ждут: старшая хозяйка — поддержки порядка, Кристина — подтверждения очевидного. В прежней жизни он сказал бы что-нибудь смешное и успокоил обеих на полторы минуты.

— Давайте поставим у входа одинаковое правило для всех, — предложил он. — Тогда не придётся определять профессию следов.

— У нас всегда нормально было, — сказала Вера.

— У вас, — ответила Кристина.

После её слов стало тихо. Из мастерской донёсся стук; кто-то уронил металлическую деталь и выругался очень негромко, явно не для употребления в разных ситуациях.

Вера ушла искать Асю. Павел допил кофе.

— Вы не обязаны были вмешиваться, — сказала Кристина. — Я справляюсь.

— Я заметил.

— Но про правило хорошо. Только они решат, что вы теперь за меня отвечаете.

— Пусть хотя бы уточнят условия.

У Аси он спросил, почему Кристину не зовут обсуждать аренду.

— Александр представляет свою комнату.

— А кто представляет человека, который в ней работает?

Ася положила нож на стол. Павел приготовился к долгому

объяснению, но она только кивнула.

— Никто. Надо позвать.

— Я ей пообещаю?

— Вы можете сказать, что предложили. Решать, кого приглашать, будем вместе. Не начинайте с обещания, за которое потом отвечать ей.

Павлу это не понравилось. Ещё больше не понравилось, что Ася была права именно в тот момент, когда он чувствовал себя внимательным и справедливым.

Вечером он застал Александра во дворе. Тот грузил в багажник два пакета, разговаривал по телефону и ловко уводил коленом от машины соседскую собаку. У Александра было лицо человека, которому часто объясняют, почему он может подождать с деньгами.

— Кристина нервничает, — сказал Павел, когда разговор закончился.

— А я нет? Мне платежи за помещение никто не отменяет.

— Ей нужно понимать сроки.

— Мне тоже. Только спрашивают почему-то с меня одного.

Собака вернулась и села рядом с пакетом. Александр сунул его в багажник и захлопнул крышку.

— Я не собираюсь выставлять её завтра. Но обещать, что всё останется, тоже не могу. Если полная аренда выгоднее, я буду за неё. Это имущество, Паша. Не только место для

хороших людей.

— Скажите ей именно это. И что известно о сроках.

— Она обидится.

— Сейчас она ещё и не спит.

Александр посмотрел на окно кабинета. За занавеской горела лампа. Кристина склонилась над рукой клиентки, и с улицы было видно только два сосредоточенных силуэта.

— Ладно, зайду.

На следующий день в коридоре появился новый коврик, купленный Кристиной. Вера Семёновна некоторое время изучала его, затем принесла щётку для обуви. Никакого общего примирения не случилось. Кристина по-прежнему ждала определённости, Александр считал, Вера полагала, что раньше люди меньше спорили. Но в списке приглашённых возникло ещё одно имя.

Павел заметил это имя между «представитель арендатора» и «смета». Впервые за день ему захотелось исправить не фразу, а порядок, в котором замечают людей.

Глава 13

Слова напрокат

В субботу Павел держал отражатель и старался не руководить дочерью. Отражатель напоминал гигантскую фольгированную лепёшку. Ветер постоянно пытался забрать его в более перспективный проект.

Они снимали новую коллекцию местной швеи. Нина договорилась о работе сама, но заказчица привела подругу, которая «очень чувствовала кадр». Подруга чувствовала его с такой силой, что каждый раз вставала между камерой и моделью.

— А можно повеселее? — просила она. — Только не слишком. И повернуться так, чтобы сразу было видно качество.

Нина опустила камеру.

— Давайте сейчас закончим согласованную серию. Потом снимем два ваших варианта и сравним.

— Я же не вмешиваюсь.

— Тогда подождите, пожалуйста, за моей спиной.

Павел удержал улыбку. Дочь справлялась без его защиты, хотя одна удачная реплика у него уже была приготовлена.

Через час сломалась молния на юбке. Заказчица побледнела, модель решила, что поправилась, подруга предложила

«просто втянуться». Нина достала булавки, попросила перерыв и отправила Павла за водой. Он принёс воду и ничего не предложил. Это была настоящая работа над собой: при виде чужой молнии его внутренний эксперт знал не меньше, чем при виде крыши, брака и велосипеда.

После съёмки Нина перевела ему оговорённую сумму.

— Не надо, — сказал он автоматически.

— Ты работал.

— Я отец.

— Это не отменяет рук.

Он принял деньги. Дочь заметно расслабилась. Видимо, ей тоже хотелось иметь возможность не быть вечной должницей за собственное происхождение.

К отцу Павел приехал в половине пятого. Илья Петрович сидел на крыльце, рядом лежал разобранный кран. Под краном была аккуратно постелена газета, на которой страна обещала большой урожай несколько лет назад.

— Я ждал с четырёх, — сказал отец.

— Мы договаривались после четырёх.

— После четырёх много времени.

— Именно.

Они работали почти молча. Отец подавал инструмент заранее, но не тот, который Павел собирался попросить. Потом обижался, что сын не пользуется подсказкой.

В семь система заработала. Вода пошла туда, куда предполагалось, что в семье Ветлугиных считалось убедительным

аргументом в пользу любого метода.

За ужином отец спросил о работе. Павел рассказал про Дом. Илья Петрович слушал, хмурясь.

— То есть учишь людей разговаривать?

— Помогаю написать сообщение. Иногда подготовиться к разговору.

— Взрослые люди не умеют?

— Не всегда.

— Прямо надо говорить. И всё.

В этот момент отец поставил перед ним третью котлету. Павел сказал, что больше не хочет. Отец ответил: «Ешь, нормальная еда, не отравлю».

Павел посмотрел на котлету, потом на отца.

— Вот примерно об этом.

— О чём?

— Я прямо сказал. Ты прямо не услышал.

Отец забрал тарелку так, будто сын отверг не котлету, а несколько поколений заботы. В кухне стало тихо.

— Мне понравилось, — добавил Павел. — Я сыт.

— Ну и говори, что сыт.

Он уже говорил. Но решил пока не предъявлять протокол. На обратном пути позвонил Тимофей.

— У нас публикация хорошо пошла. Под фотографией уже сто комментариев. Можно ваши фразы отдельно карточками? Я выписал из общего разговора. Без историй посетителей.

Павел попросил прислать. Там были три реплики: про старого человека с расписанием, про согласование болезни и «Спросить было бы короче, чем переделывать».

— Последнюю можно, — сказал он. — Первые две без контекста звучат иначе.

— А подпись «Как послать человека в правильном направлении»?

— Это шутка?

— Хорошая же.

Павел подумал о господине со стулом. О Светлане. О старике, которому хотелось поговорить с дочерью о жизни раньше, чем о давлении.

— Добавь, что речь о трудных разговорах, а не о том, как выиграть спор.

— Конечно.

Вечером появилась карточка. Крупно — название, мелко — уточнение. Самая заметная часть была той, которую Тимофей счёл удачной. Павел увидел, как её пересылают, и впервые за неделю почувствовал не просто облегчение, а азарт.

Под карточкой написали: «Наконец-то кто-то научит культурно ставить людей на место».

Он собирался ответить, что место у человека уже есть, а разговор нужен о поступке. Потом отвлёкся на звонок Нины.

Когда вернулся к телефону, комментарий набрал сорок одобрений.

Павел тоже не ответил.

Глава 14

Инструкция к отцу

В воскресенье отец приехал сам. Привёз банки, старый удлинитель и лист бумаги со списком мест, куда Павлу следовало устроиться.

— Я посмотрел. Там нормальные организации. А не твои разговоры.

Павел налил чай и убрал со стула сушившиеся джинсы. На кухне стало тесно от двух взрослых мужчин и неопрошенного будущего.

Первым в списке был завод, на котором Илья Петрович работал двадцать лет назад. Вторым — знакомый знакомого, который «вроде в строительстве». Третьим — должность, для которой требовались допуски, не имевшие отношения к умению писать «Вход со двора».

— Спасибо, пап. Я посмотрю то, что подходит.

— Ты всё посмотри. Нельзя сейчас выбирать.

— Почему?

— Потому что без работы.

— Именно поэтому выбираю работу.

Отец взял чашку. Его руки были большими, с грубой кожей и ровно подстриженными ногтями. Этими руками он когда-то вытащил Павла из ледяной воды, а потом три кило-

метра нёс домой, ни разу не сказав, что тяжело. Павел помнил это каждый раз, когда хотел возразить. Илья Петрович, возможно, тоже помнил, только иначе: после той зимы сын навсегда остался человеком, который может не заметить тонкий лёд.

— Я не лежу, — сказал Павел. — Ищу заказы. У меня есть запас на несколько месяцев.

— Деньги имеют свойство заканчиваться.

— Я знаком с их характером.

— Всё шутишь.

— Потому что если отвечать на каждое замечание серьёзно, у нас чай станет холодным раньше знакомства.

Отец поставил чашку.

— Ладно. Не буду мешать.

Он встал слишком быстро. Удлинитель остался на столе, как вещественное доказательство отвергнутой помощи.

Павел встал тоже.

— Пап, сядь. Я не хочу, чтобы ты уходил. Хочу, чтобы ты не устраивал меня на работу без меня.

— А что мне делать? Смотреть?

— Можно спросить, нужна ли помощь.

— Я и так вижу.

— Ты видишь, что я без прежней работы. Остальное я могу рассказать.

Илья Петрович сел. Тяжело, как будто стул потребовал уступки.

— Рассказывай.

Павел рассказал. Не про туалет, который был смешным, а про двенадцать лет, за которые он постепенно перестал понимать, что делает по своей воле. Отец слушал, иногда открывая рот, но не перебивал. Это давалось ему с заметным физическим усилием.

— Я не знал, — сказал он наконец.

— Я не говорил.

— Почему?

Павел посмотрел на список вакансий.

Отец посмотрел туда же. Потом сложил лист пополам.

— Понятно.

Они допили чай. Илья Петрович спросил, где находится Дом, и записал адрес в бумажный блокнот. Уходя, оставил удлинитель.

— Твой греется. Я видел в прошлый раз. Этот исправный.

— Спасибо.

— Это не совет. Это удлинитель.

Павел засмеялся, и отец улыбнулся одним уголком рта.

После его ухода позвонила Ольга. Она знала про институт и спросила, как прошёл разговор с Ниной.

— Нормально. Считали расходы.

— Без лекции о стабильности?

— С коротким вводным курсом. Потом исправился.

— Хорошо.

Между ними давно не было большой вражды. Осталась

осторожность людей, которые однажды жили в одной комнате и слишком часто делали вид, что им удобно.

Павел спросил, почему Ольга так быстро согласилась выслушать Нину.

— Я не быстро. Мне тоже страшно. Но я уже пробовала руководить взрослым человеком на твоём примере. Результат есть в свидетельстве о разводе.

Он улыбнулся.

— Я был сложным проектом.

— Ты был молчащим проектом. Говорил «как скажешь», а потом три дня ходил с лицом человека, которого продали на органы.

— Точность описания мешает возразить.

— И сейчас шуткой закрываешь.

Он помолчал.

— Да. Я часто злился, потому что соглашался. И делал вид, что это ты виновата в моём согласии.

Ольга тоже помолчала.

— Спасибо, что сказал.

Павлу неожиданно стало грустно. Не хотелось ничего возвращать. Хотелось знать это раньше, когда они ещё могли не разрушать то, что тогда любили.

Вечером он записал в блокнот одну строку: «Отказ вовремя иногда добрее согласия с последующей мстью».

Строка была хорошая. Он решил никому её пока не показывать.

На следующий день в Дом должен был прийти представитель «Опоры». Вера Семёновна попросила Павла присутствовать — «просто послушать, как человек с языком».

Он ответил, что язык придёт вместе с вопросами.

«Только без скандала», — написала она.

Павел посмотрел на сообщение и впервые задумался, почему вопросы здесь заранее записывают в скандал.

Глава 15

Срочное поручение на вчера

Инструкция к светильнику начиналась словами: «Во избежание нарушения устройства не допускается производить включение способом, не предусмотренным настоящим описанием».

Павел прочёл предложение дважды. Оно сообщало, что инструкция существует, и предостерегало от жизни вне её пределов. Как включить свет, оставалось делом интуиции.

Заказчица по имени Тамара прислала ещё фотографию коробки. На ней счастливая семья сидела за столом под лампой, которой не было в ассортименте производителя.

— Картинка условная, — объяснила Тамара по телефону.

— Семья тоже?

— Надеюсь. Иначе они пользуются товаром конкурентов.

Тамара отвечала за упаковку, тексты, отзывы и, как выяснилось через минуту, за сбор подарка начальнику производства. В её голосе не было ни рекламного подъёма, ни желания познакомиться с уникальным стилем Павла. Это действовало успокаивающе.

— Нам нужно, чтобы люди перестали звонить с вопросом, где кнопка, — сказала она.

— Она где?

— Снизу основания.

— А в инструкции?

— В пункте о функциональных элементах корпуса.

— Начнём с амнистии для кнопки.

Они договорились о цене, объёме и пятнице. Павел поставил чашку подальше от ноутбука, как перед серьёзной работой, и принялся за текст.

К вечеру среды он убрал треть слов. От этого инструкция стала короче, но возникли вопросы, на которые слова прежде старательно не отвечали. Можно ли протирать поверхность влажной салфеткой? Что означает мигающий индикатор? Где заканчиваются декоративные особенности и начинается неисправность? Павел отправил список Тамаре. Через двадцать минут позвонил начальник производства.

— Вы усложняете.

— Я как раз пытаюсь сократить.

— У нас всё было написано.

— Было. Некоторые вещи нельзя понять однозначно.

— Покупатель не специалист.

— Поэтому ему и нужна инструкция.

Начальник вздохнул. На заднем плане работал станок или очень недовольный кондиционер.

— Напишите простыми словами. Вы же для этого приглашены.

Павел посмотрел на вопрос о блоке питания. Простые слова у него были. Знаний об устройстве блока не было. Раньше

он наверняка выбрал бы формулировку, которая достаточно расплывчата, чтобы ответственность не нашла адресата. Теперь ему слишком хорошо помнилась золотая стрелка.

— Простоту текста я обеспечу. Техническое содержание должен подтвердить ваш специалист.

— То есть без нас вы не можете?

— Именно. Если бы мог, пришлось бы ещё самому выпускать светильники.

Начальник хмыкнул и обещал прислать инженера.

Инженер оказался молодой женщиной Мариной, которая в первый же разговор сказала:

— Спасибо, что спросили. Я давно хотела это исправить.

За сорок минут они разобрали почти все вопросы. Последний завис: в старой серии индикатор мигал при одном состоянии, в новой — при другом. Коробки внешне не различались.

— Надо указывать модель, — сказала Марина.

— На самой инструкции?

— И на изделии. Я уточню с производством.

Павел записал, что ждёт ответа. В пятницу утром Тамара прислала сообщение: «Можно уже финал? Типография ждёт».

Он объяснил, чего не хватает.

«А пока общим текстом?»

Павел открыл документ. Общий текст мог быть гладким, вежливым, грамматически безупречным. Он почти видел,

как напишет его за двенадцать минут и получит деньги вовремя. Внизу экрана всплыло уведомление о предстоящем платеже. Совпадение было невоспитанным.

Он позвонил Тамаре.

— Могу сегодня передать утверждённые разделы. Этот пункт оставляю отмеченным. Если печатать без ответа, я не буду называть файл готовой инструкцией.

— У нас начальство любит готовые файлы.

— Моё прежнее тоже.

Она помолчала.

— Ладно. Напишите мне коротко, что именно требуется. Я перешлю без вступления, иначе получится, будто это я придумала новую задержку.

В два часа пришёл ответ инженера. В четыре Павел отправил текст. В пять Тамара прислала замечания маркетолога: тот хотел добавить в каждый раздел слово «инновационный».

— Даже в очистку от пыли? — спросил Павел.

— Особенно туда. Там у нас совсем скучно.

Он объяснил, что реклама и инструкция решают разные задачи. Тамара попросила сформулировать это письменно, но так, чтобы маркетологу не захотелось уйти в монастырь или написать встречное письмо на семи страницах.

Павел предложил: «Преимущества модели лучше вынести на упаковку. В инструкции каждое дополнительное слово увеличивает время до нужного действия».

— Отлично, — сказала она. — Про время он понимает. Про смысл у нас иногда разные подразделения.

К шести пришёл перевод за работу.

Павел несколько секунд смотрел на сумму. Она не меняла судьбу, не доказывала востребованность, не возвращала двенадцать лет, проведённых в «Компас Плюс». Ею можно было оплатить интернет, купить продукты и перестать считать безработицу основной чертой своего характера.

Он написал Тамаре спасибо и закрыл ноутбук.

Через минуту она позвонила.

— У нас есть ещё кофемолка.

— Боюсь спрашивать, где у неё кнопка.

— Кнопка нормальная. Она у нас в инструкции названа органом управления.

— Пришлите. Посмотрю в понедельник.

— А сегодня никак? Очень хочется до выходных понять цену.

Павел уже положил руку на крышку ноутбука. Сказать «нет» постоянной заказчице, которая пока сделала лишь один заказ, было труднее, чем произнести эффектную фразу бывшему начальнику.

— Сегодня не успею внимательно. В понедельник до двенадцати скажу.

— Хорошо. Тогда и я до понедельника не буду на неё смотреть.

Он услышал в её голосе почти благодарность и с удивле-

нием понял: иногда отказ разрешает выдохнуть не только тому, кто его произнёс.

В магазине Павел купил рыбу, хлеб, яблоки и новый лимон. Старый дома выбросил. Никакого символического значения этому действию не придавал; тот уже действительно был плох.

Глава 16

Чужая очередь

Перед встречей с «Опорой» Павел зашёл в Дом за забытым блокнотом и застал очередь у ремонтной мастерской. Люди держали лампы, чайники и один предмет, назначение которого никто не мог установить. Владелец предмета утверждал, что раньше он работал.

Лев Борисович принимал вещи по четвергам, но объявление Тимофея перепутало день. Понедельник в интернете выглядел так же убедительно, как любой другой день, и к десяти пришли одиннадцать человек.

— Я предупреждал, — сказал Лев Борисович, стоя в дверях.

— Кого? — спросила женщина с торшером.

— Тимофея.

— А я Елена.

Этот аргумент поставил мастера в затруднение.

Павел нашёл Тимофея у заднего входа. Тот пытался одновременно доставить заказ, отвечать в чате и добыть складную тележку. Узнав о понедельнике, он посмотрел в телефон.

— Да, моя ошибка. Можно сказать, что расписание изменилось.

— Оно не менялось.

— Так людям понятнее.

— Тебе удобнее.

Тимофей вздохнул.

— Сейчас выйду.

Он вышел к очереди, покраснев до ушей, и объявил, что ошибся в публикации. Люди отнеслись к честности без восторга. Мужчина с неизвестным предметом спросил, вернут ли ему стоимость такси. Женщина с торшером начала перечислять, какие дела отложила. Тимофей сперва оправдывался тем, что делает всё бесплатно, потом увидел лицо Льва Борисовича и остановился.

— Я сам напишу каждому и запишу на удобное время, — сказал он. — Кто не может привезти ещё раз, обсудим доставку. Но сегодня Лев Борисович не обязан всё бросать из-за моей ошибки.

Это была первая фраза за утро, после которой очередь перестала расти изнутри.

Лев Борисович осмотрел две лампы без ремонта, одному человеку предложил просто купить новую вилку. С остальными договорились. Мужчина с предметом ушёл последним, всё ещё недовольный, но теперь хотя бы назвал предмет: это был увлажнитель.

— Я думал, ты сейчас скажешь что-нибудь такое, — признался Тимофей Павлу. — Чтобы они успокоились.

— Они потеряли время. У них есть основания сердиться.

— А мы же хорошие.

— Хорошие тоже путают понедельники.

Тимофей сел на ступеньку. Красный рюкзак рядом с ним выглядел так, будто из него тоже вынули уверенность.

— Я всё время тороплюсь. Если не сделать сразу, кто-нибудь сделает раньше.

— Табличку с неправильным днём?

— Вообще. Пост. Идею. Событие.

Павел присел рядом. У него раньше было другое объяснение спешки: если не сделать сразу, кто-нибудь расстроится. Результат почти совпадал.

— А если событие не случится сегодня, что будет?

— Ничего.

Тимофей сказал это и нахмурился. Ответ оказался неприятно свободным.

Лев Борисович вынес им два стакана воды. Он не стал развивать воспитательный момент.

— Понедельник теперь исправь, — сказал он. — И тем, кто написал, ответь. Не общий пост. Каждому.

— Сделаю.

— Потом чайник мой посмотришь. Провод на корпус не наматывай, ломается.

Мастер ушёл. Тимофей посмотрел ему вслед.

— Он меня не выгнал.

— А ты не исчез.

До встречи оставался час. Ася принесла Павлу блокнот,

но вместо того, чтобы уйти в мастерскую, села на верхнюю ступеньку.

— Я посмотрела предложение. В нём общая площадь больше той, о которой говорила Вера Семёновна.

— Ошибка?

— Или следующая версия разговора.

Она показала план. Комната диспетчера оказалась закрашена светло-синим. Там, где Павел помогал людям находить свои слова, на схеме стояло «Кабинет индивидуальных консультаций».

— Они про нас знают? — спросил он.

— Тимофей хорошо продвигает.

Тимофей перестал листать телефон.

— Я никому ничего не обещал.

— Я знаю, — сказала Ася. — Достаточно было показать, что здесь происходит.

Павел приблизил план. У него возникло странное чувство: место, которое он ещё не успел считать своим, уже кто-то успел включить в предложение.

Со двора слышался автомобиль. Вера Семёновна вышла встречать гостей с таким лицом, будто всё было давно подготовлено и только людям следовало не мешать.

Глава 17

Красивое предложение

Роман Забелин оказался не тем человеком, которого удобно ненавидеть заранее. Он приехал без сопровождающих, снял мокрую куртку, сам нашёл вешалку и спросил, не мешает ли встреча текущей работе.

— Мешает, — сказала Ася. — Поэтому давайте по существу.

— Согласен.

Он сел и достал бумаги. Никакой презентации с людьми у кадок.

«Опора» арендовала помещения для курсов и небольших мероприятий. В городе у неё уже было два центра. В третьем предлагалось совместить рабочие места, лекционный зал и индивидуальные занятия. Старое здание нравилось компании не только характером: здесь было дешевле, чем в центре, и рядом находилась остановка.

— Мы вкладываемся в ремонт, получаем понятные часы использования и право оформлять входную зону, — сказал Забелин. — Вам остаются мастерские и часть общих мероприятий по согласованному расписанию.

— Кто согласовывает? — спросил Павел.

— Это нужно прописать.

— А пока?

— Пока предложение для обсуждения.

Вера Семёновна кивнула слишком быстро.

Забелин не обещал сохранить всё. Ему нужны были тишина во время занятий, возможность закрыть зал на мероприятие, предсказуемая уборка. Человек с неисправной лампой, который заходит без предупреждения и рассказывает, как она досталась ему от тётки, не входил в расчёт доходности.

— Я не против ламп, — сказал Забелин. — Просто я не могу продавать людям тихое место, а потом говорить, что у нас сегодня очень интересная тётка.

Павел невольно улыбнулся. Ася улыбаться не стала.

— А мастерская переплёт? Там работает пресс. Иногда пахнет клеем.

— Поэтому предлагается перенести её наверх.

— Кто предлагает?

Забелин посмотрел на Веру Семёновну.

Павел заметил этот взгляд раньше, чем успел прочитать соответствующую строку.

— Мы обсуждали как вариант, — сказала председатель.

— Со мной не обсуждали, — ответила Ася.

— Ася, не начинайте.

— Я как раз начинаю. До сих пор начали без меня.

Забелин закрыл папку наполовину.

— Возможно, мне стоит выйти на пять минут.

— Не надо, — сказала Ася. — Это относится к предло-

жению. Мою комнату нельзя считать свободной, пока я сама так не решила.

— Принято.

Он вычеркнул строку карандашом. Вера Семёновна смотрела на его руку так, будто он вычёркивал крышу.

Павлу захотелось произнести что-нибудь про чужую щедрость за свой счёт. Он придержал язык. В комнате уже было достаточно острых краёв.

Алла Сергеевна спросила о деньгах. Выяснилось, что объявленная сумма включает не только платежи обществу, но и расходы арендатора на собственную мебель. Формально никто не соврал. Практически Вера Семёновна две недели надеялась на деньги, которых в общей кассе не появилось бы.

— Давайте отделим то, что вы тратите на свой бизнес, от того, что получает Дом, — сказала Алла Сергеевна.

Забелин кивнул и написал две суммы.

Вторая была в три раза меньше первой.

— Вот теперь мы знакомы, — сказала бухгалтер.

Роман не обиделся. Возможно, привык к людям, которых не впечатляет крупный шрифт.

Разговор длился час. Он не закончился ни согласием, ни разоблачением. Остались вопросы о помещениях, доступе, расходах и сроках. Вера Семёновна обещала собрать собственников. Забелин оставил документы.

Перед уходом он задержался у Павла.

— Видел вашу публикацию. Хорошо получается. Вы мог-

ли бы вести у нас занятия по деловой коммуникации.

— Я редактор.

— Тем лучше. Люди устали от тех, кто называет себя наставниками. Практика сейчас нужна.

Он назвал сумму за вечер. Павел почувствовал, как неприятие арендатора немного подвинулось, освобождая место калькулятору.

— Обсудим отдельно, — сказал он.

— Конечно. Вот моя визитка.

Ася в этот момент стояла у окна. Услышала ли она, Павел не понял.

После ухода Забелина Вера Семёновна обвинила присутствующих в том, что они всё усложняют.

— Человек пришёл помочь.

— Человек пришёл договориться, — ответила Алла Сергеевна. — Это нормально. Помощь тут ни при чём.

Ася забрала план своей комнаты.

— Вы должны были спросить меня.

Вера Семёновна устало потёрла лоб.

— Если бы я всех спрашивала, мы бы до сих пор сидели без батарей.

— Зато теперь сидим без разговора.

Павел вышел на улицу раньше, чем они продолжили. В кармане лежала визитка. Он перекладывал её из одного отделения в другое, словно от положения картона зависела нравственная сторона предложения.

Телефон показал новый отклик на вакансию. «К сожалению, на данном этапе...»

Этап был узнаваемый. К сожалению, тоже.

Павел достал визитку обратно.

Глава 18

Экскурсия по возможному

Роман Забелин предложил посмотреть действующую площадку «Опоры». Поехали Ася, Алла Сергеевна и Павел. Вера Семёновна отказалась: у неё было два приёма, доставка и недоверие к мероприятиям, на которых показывают, как хорошо может быть без неё.

Площадка находилась в другом конце города, в бывшем магазине ковров. От прошлого ей достались огромные окна и ступенька посреди зала. Ступеньку выкрасили жёлтым. Над ней висела табличка «Обратите внимание на новый уровень». Павел остановился.

— На ней уже падали?

— Один раз, — признался Роман. — После этого и сделали табличку.

— А потом?

— После этого ещё раз. Но человек читал.

Внутри было тепло. По стенам стояли столы, за прозрачными перегородками шли занятия. Девушка на стойке одновременно отвечала по телефону, распечатывала листы и показывала посетителю, где туалет. Из-за принтера она сообщила всем троим: «Сейчас одну секунду», — и эта секунда сразу получила три разных продолжения.

Роман показал аудитории. В одной пенсионеры учились обрабатывать фотографии, в другой женщина лет сорока объясняла бухгалтерскую программу пяти сосредоточенным слушателям. За последним столом мужчина рисовал корабль на полях раздаточного материала. Павел оценил парус: человек давно не понимал, но оставался вежливым.

— Здесь у нас вечерние курсы, — сказал Роман. — Днём часть помещений сдаём почасово.

Алла Сергеевна спросила про отопление, уборку и число отмен. Ася — про доступ посетителей, которым не нужны платные занятия. Павел поймал себя на желании задать какой-нибудь блестящий вопрос, изобличающий красивую витрину. Он уже назначил себе роль проницательного скептика, хотя пока видел только людей, пытавшихся научиться чему-то после работы.

На кухне молодая преподавательница перекладывала бутерброды в контейнер. Роман представил её как Надю.

— Что у вас самое трудное? — спросила Ася.

Надя посмотрела на Романа. Тот кивнул:

— Можно честно.

— Когда говорят «можно честно», я каждый раз уточняю, на какой срок.

Роман засмеялся, но от кухонной двери не отошёл. Надя рассказала, что труднее всего менять расписание: люди покупают не абстрактный курс, а вторник после шести, когда соседка может посидеть с ребёнком. Один перенос иногда

уничтожает возможность учиться целиком.

— А у вас часто переносят? — спросила Алла.

— Было часто. Теперь держим резервного преподавателя. Дороже, зато меньше возвратов.

— Сначала решили, что группа потерпит, — признался Роман. — Группа решила иначе.

Ася впервые улыбнулась ему без осторожности. Павел заметил и ощутил укол, совершенно не связанный с перспективами Дома. Он разозлился на себя, потом на Романа за аккуратный пиджак, потом снова на себя, потому что пиджак был в этом разговоре самым невиновным.

В малой комнате им показали стеллаж с книгами. Над стеллажом было написано: «Возьми вдохновение с собой».

— Возвращают? — спросила Ася.

— Книги или вдохновение? — уточнил Роман.

— Книги. Со вторым я не умею работать.

Он ответил, что половину не возвращают, поэтому перестали ставить дорогие издания. Ася провела пальцем по корешку старого атласа. Тот держался на прозрачной ленте, которой обычно чинят всё, кроме причины поломки.

— Могу подсказать, чем лучше укрепить, — сказала она. — Так потом бумагу оторвёте.

Роман поблагодарил и записал. Павел смутился окончательно: приехал разоблачать коммерцию, а коммерция сидела напротив, слушала про бумагу и не подавала признаков нравственного падения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.